

★ КРАЙ ГАЛАКТИКИ ★

АВАРИЙНЫЙ ГУБЕРНАТОР

II

★ АЛЕКСЕЙ ЕЛИСЕЕВ ★

ИРЭН РУДКЕВИЧ

Ирэн Рудкевич

**Край Галактики.
Аварийный Губернатор II**

«Автор»

2026

Рудкевич И.

Край Галактики. Аварийный Губернатор II / И. Рудкевич —
«Автор», 2026

Что, если вас назначат губернатором? Мечта же. А что если назначат губернатором целой планеты? Ещё лучше! А если это уничтоженная орбитальными бомбардировками промышленная планета на окраине Империи, которую поделили между собой бандиты и продажные чиновники? Уже сомнительно, да? До меня здесь были двенадцать губернаторов. И все двенадцать провалили дело и были казнены. Теперь губернаторский мандат у меня, и отказаться от него я не могу. Империя требует почти невыполнимый план поставок. Не успею – стану тринадцатым. С первого же дня всё идёт не так. Не успел я покинуть Гармонию – местную столицу, – как ко мне пришёл первый проситель. Если я ему не помогу, то моя губернаторская власть так и останется строкой в архиве. А если соглашусь, то мне придётся пойти против установленных правил. Но здесь губернатором становится не послушный болванчик на побегушках у бюрократов. Губернатором становится тот, чьи приказы выполняют, причём не за страх, а за совесть. Осталось только этого добиться.

© Рудкевич И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыре минуты	5
Глава 2. Выстрелы, раны и Хромой Сал	11
Глава 3. Дисциплина в медблоке	16
Глава 4. О полезных подчинённых и крысах	23

Алексей Елисеев, Ирэн Рудкевич

Край Галактики. Аварийный Губернатор II

Глава 1. Четыре минуты

Я упал, сильно ударившись спиной о нижний край пульта. Попытался вдохнуть и сразу почувствовал резкую боль под ключицей, от которой поплыло сознание. Потянулся рукой к источнику и понял, что ткань под пальцами мокрая.

Рима лежала под пультом, потому что я успел её дёрнуть. С виду она была в порядке. Машинист сработал правильно — не зря Ринт его муштровал, отобрав у Этони. Он уже перекрыл подачу пара и навалился на тормозной рычаг, вслух при этом проговаривая все свои действия, словно Ринт тоже был здесь и принимал у него экзамен, как у ученика.

— Тягу перекрыл. Торможу всем составом.

Через четыре секунды впереди раздался взрыв. Следом, в канале связи — мат Этони. По передней части паровоза ударила шрапнель обломков рельсов, шпал и грунта насыпи.

С секундной задержкой ещё раз рвануло, но уже сзади. Слева ударила длинная очередь из ИГ-карабина.

Машинист продолжал тормозить.

Я попробовал подняться. Левая рука двигалась хуже правой, а при каждом вдохе под ключицей жгло так, что темнело в глазах.

— До обрыва железнодорожного полотна шестьдесят метров, — произнёс машинист. — Расстояния не достаточно чтобы затормозить.

— Тогда выжми из тормозов всё, на что они способны! — сцепил зубы я. — Ради чего Ринт месяц ругался с лагерем.

— Да выжимаю я уже... Тормоза на пределе. Готовьтесь к тому, что мы сойдём с рельсов!

Даже под огнём искусственник говорил достаточно хладнокровно, и я сделал вывод, что Ринт выбрал правильного машиниста.

Снова хлестнула очередь из ИГ-карабина. Иглы вынесли ещё одно окно и ударили в стену над Римой.

— Прижмись к полу и держись за основание кресла! — крикнул я ей.

— Держусь!

Слева прогремел ещё один взрыв — примерно там, где должен был быть Этони на гравибайке.

До разрыва пути оставалось меньше тридцати метров.

Машинист перехватил рычаг ближе к основанию и навалился на него всем телом. Паровоз затрясся, я почти физически ощутил, как колёса едва удерживаются на рельсах и вот-вот сойдут с них от массы давящих сзади вагонов.

Мы всё же остановились. Передняя колёсная пара замерла примерно в четырёх метрах от вывернутого взрывом рельса. Машинист, буквально вышколенный Ринтом, сразу перевёл топку на малую подачу и проверил приборы.

— Насосы работают. Теплообменник цел. Иглы пробили внешнюю панель, но трубопроводы не задеты.

— Ложись на пол, — велел я.

— При остановке насосов рабочая жидкость перегреется. Я останусь у пульта и буду поддерживать малое горение. Ринт убьёт меня за паровоз, даже если я выживу в этой перестрелке, — мотнул головой машинист.

— Тогда сиди так, чтоб тебя не было видно в окно.

В служебном канале пошли помехи. Через несколько секунд пробился голос Унца.

— В последний момент перед взрывом разведывательный дрон засёк восемь внезапно появившихся вооружённых целей. Нападающие готовились заранее и предполагали, что мы пустим в разведку дрон. Поэтому выбрали место, где велика вероятность помех.

— Где они находятся сейчас?

— Две огневые точки справа. Две слева. Ещё двое перед поездом. Один движется под вагонами. Последний остался у заднего разрыва колеи.

— Они ещё и за поездом рельсы подорвали?

— Именно так.

Новость была неприятной. Хотя что уж там, вся ситуация в целом была неприятной, и это ещё мягко сказано. Я подозревал, что нападение возможно, поэтому и взял с собой охрану в лице Этони на байке и его бойцов.

— Ты сам где?

— Там же, где и был — в последнем вагоне. Бойцы лейтенанта Бакто и серванты ведут огонь по нападающим. Сам лейтенант на связь не выходит. Дрон передал изображение, как он вместе с гравибайком вылетел за насыпь после прямого попадания в AZ-7. Пока дрон не может спуститься ниже и отыскать лейтенанта Бакто.

Задняя дверь кабины открылась. Я потянулся к ИГ-револьверу, но увидел инспектора Вейл в сопровождении одного из сервантов.

— Нира? Что ты здесь делаешь? И кто теперь правильно зафиксирует мою смерть, чтоб в архивах вместо тринадцатого «Казнён» появилось «Героически погиб при исполнении должностных обязанностей»? — не сдержался я.

Инспектор вообще-то не собиралась ехать с нами. Она намеревалась вернуться в лагерь. Поэтому сейчас я, мягко говоря, удивился её появлению, да ещё и компании одного из ехавших в последнем вагоне сервантов.

— Бросьте ваши шутки, Рэн. Не время для них, — нахмурилась Нира и подползла ближе.

Пыль покрывала её тёмные волнистые волосы и голубокожее лицо с правильными аристократическими чертами, на щеке виднелся свежий неглубокий порез. В руке Нира держала служебный ИГ-пистолет и выглядела прямо ну очень решительно.

— Уберите ладонь от раны, — потребовала она.

— Нира, снаружи восемь стрелков, а Этони неизвестно где находится и жив ли. Не время думать о перевязке.

— Самое время, — безапелляционным тоном заявила инспектор. — Вы теряете много крови. Если сейчас её не остановить, вы просто отключитесь.

Этот аргумент сработал, я подчинился. Но скажу честно — немалая заслуга была в том, то его привела именно Нира. Окажись на её месте кто-то другой, и я, возможно, продолжил бы упрямиться, а то и вовсе послал бы его подальше.

Нира разрезала ткань формы возле входного отверстия, осмотрела рану, потом заставила меня повернуться и повторила то же самое уже на спине.

— Игла прошла через мягкие ткани. Ключица цела, лёгкое, скорее всего, тоже.

Она прижала к ране широкую салфетку из полевой аптечки, которую всегда носила при себе наравне с планшетом и шпагой.

— Я могу помочь? — осторожно выглянула из-под пульта Рима.

— Возьми вторую салфетку и универсальный пластырь, — сказала Нира. — И закрепи с обратной стороны раны.

Рима придвинулась ко мне на коленях и выполнила указание. Нира закрепила обе салфетки лентой пластыря вокруг плеча и груди, затем достала короткий инъектор с жёлтой полосой.

— Это стим. Он поддержит давление, уменьшит боль и позволит вам двигаться около двадцати минут. Потом появятся слабость, дрожь и сильная боль. Сознание тоже можете потерять.

— Обычная смена аварийного губернатора, только в одном инжекторе, — храбро усмехнулся я. — Но сегодня я бы предпочёл воздержаться от излишних вливаний химии и...

Нира прижала инжектор к моей шее и нажала кнопку. А через несколько секунд я почувствовал, что боль ослабла, а рука слушается меня почти как раньше.

В разбитом окне над нами показался ИГ-карабин и держащие его руки. Сам стрелок внутрь кабины не полез, просто дал очередь вслепую и быстро убрался. Нира толкнула меня на пол, а сама вжалась в стену прямо под окном. Замерла, прислушиваясь. Потом вдруг резко поднялась, развернулась, дважды выстрелила из своего ИГ-пистолета. Снова пригнулась, а противоположную стену прошила ответная очередь.

Нира уже не сидела под окном, а стояла, вжавшись в стену рядом с ним.

— Теперь он уверен, что я плохо стреляю, — едва слышно пояснила она в ответ на мой вопросительный взгляд.

Я не сразу понял, к чему она ведёт.

Стрелок снова сунулся внутрь карабином. Нира левой рукой схватилась за ствол карабина, развернулась и всадила три иглы подряд в окно. И всеми тремя попала — промахнуться на такой дистанции было нереально даже плохому стрелку.

Отпустив ствол вражеского ИГ-карабина, инспектор снова опустилась на пол и проверила кассету своего пистолета.

— Для инспектора пятого разряда — очень неплохо, — похвалил я. — Откуда у тебя такие навыки?

— Инспекторов учат пользоваться служебным оружием. На стрельбище мишени, конечно, не пытаются доказать, что программа обучения недостаточна, но даже на них можно хорошо отработать всё, что нужно.

В служебном затрещало, и раздался голос Этони. Лейтенант говорил медленно, а между длинными фразами делал короткие паузы — несвойственная для него манера.

— Губернатор, доложите своё состояние и положение в кабине.

— Все живы. Я ещё и почти здоров. Что с тобой?

— Меня сбили. При падении я повредил правое плечо. В ногу игла застряла в мышце. Байк уничтожен. Командовать могу, быстро двигаться пока не получится.

— Отличный момент для отдыха, — попробовал пошутить я, но вышло как-то неудачно.

— Место не самое удобное досталось, — как ни странно, Этони поддержал мою попытку, да ещё и более остроумно. — Я сумел укрыться за насыпью, но это ненадолго.

— Что происходит снаружи, видишь?

— Нападающие обстреливают поезд. Один полез в кабину, но отвалился уже благополучно дохлым. Кто его так?

— Не поверишь — инспектор Вейл.

— Поверю, — с секундной задержкой ответил Этони. — Хорошо, что она всё-таки решила ехать с нами. Хотя это и неправильно.

— Так ты знал? И ничего не сказал?

— Лейтенант Бакто, — не обращая на меня внимания, вмешалась в разговор Нира, — я инспектор ИКА и могу самостоятельно принимать любые решения, не ориентируясь ни на вас, ни даже на губернатора. Других нападающих вы видите?

— Да, но не всех, — вернулся к текущей ситуации Этони. — Слева работают вроде бы двое, слышу по стрельбе, но точно сказать не могу, не вижу их. Работают грамотно, прикрывают друг друга — это непохоже на обычных бандитов. Ещё один, кажется, просёк место, где я укрылся, и пасёт меня. Но на сближение не торопится, просто держит. Его напарник следит за

переходами между вагонами. Позади состава вроде как ещё один. Под днищем паровоза подрывник, ставит заряд, так что не советую вам надолго задерживаться в кабине. Двое готовят станковый ИГ-пулемёт, их вижу хорошо, но сделать пока ничего не могу. Руководство операцией осуществляется из галереи разрушенного здания впереди.

— Значит, их больше восьми, и действуют они очень профессионально, раз сумели мало того, что организовать такую засаду, так ещё и заблокировать все наши силы в кабине и вагоне, — сделал вывод я. — Правильно я понимаю?

— Да, Рэн. Так действуют профессионалы, которые Тесаку не по карману. Они подготовились заранее, заложили заряды, знали состав охраны и строение поезда. Разве что инспектора они тут увидеть не ожидали.

— Думаешь, это не Тесак?

— Подобная работа стоит дороже всей добычи, которую он отнял у Южного Отвала за несколько лет. Но окончательные выводы лучше сделаем после боя, если его переживём... Вот же дрянь!

Судя по звукам, Этони обстреляли, и лейтенанту пришлось отвлечься от разговора на решение собственных проблем. Когда стрельба прекратилась, Этони снова заговорил.

— Нира, вы для наших врагов стали неожиданностью. Можете удивить их ещё раз тем, что инспекторá ИКА вообще-то очень неплохо умеют стрелять?

— С большим удовольствием удивлю, — сквозь зубы процедила Нира, и непроницаемое выражение, обычно красовавшееся на её лице, уступило место хищному боевому оскалу. — Что нужно сделать?

— Вы видите развалины небольшого здания метрах в двадцати от вас? Вглядитесь в окно слева?

Нира осторожно выглянула и тут же отшатнулась обратно, чтоб не выдать себя.

— Вижу правый край проёма и торчащий оттуда ствол.

— После моей команды сделайте четыре выстрела по этому окну. Для вашего ИГ-пистолета далековато, но попадание не требуется, просто отвлеките его. Мне нужна пара секунд, чтобы переместиться в более удобное место. Дальше я достану его сам.

— Вы ранены, — напомнила инспектор Этони.

— Мне это не мешает. Стреляйте и сразу прячьтесь.

— Хорошо. Дайте команду, как будете готовы, — стиснула зубы Нира.

Этони выдержал короткую паузу.

— Сейчас.

Нира высунула руку в окно, быстро выстрелила четыре раза. И тут же отшатнулась, зарыв голову руками, потому что по кабине застучала злая очередь, а несколько игл даже вошли внутрь сквозь разбитое окно.

За первой очередью последовала вторая. А третья оборвалась, едва успев начаться — Этони добрался до стрелка и нейтрализовал его.

— Цель поражена, — сообщил Этони.

С задней стороны состава дважды выстрелила Тала Кейя.

Сухая, подвижная снайпер с коротко стриженными тёмными волосами говорила так же, как двигалась: спокойно и уверенно.

— Цель у последнего вагона тоже поражена, — словно эхом откликнулась в канале связи Тала Кейя. — Нападающий был подрывником, хотел заложить заряд под наш вагон. Мы были немного против. Прикрываю сервантов, сейчас попробуем прорваться к вам.

— Отправь несколько человек под прикрытием щитов сервантов. Сама останься и контролируй хвост состава, чтоб больше туда никто не смог приблизиться, — велел Этони. — У нас ещё минимум пятеро противников плюс засевший в стороне командир. — Один из напа-

давших ставит заряд под «Паровоз». Я попробую снять подрывника, пока меня не засекли. Губернатор, Нира, вы пока не высовывайтесь, мы тут сами дальше разберёмся.

— Принято, — коротко отозвалась Тала.

Мы с Нирой, переглянувшись, промолчали.

Следующие несколько минут мы просто слушали очереди, бьющие со всех сторон, и категорически не понимали, что происходит. Машинист, заблокировав тормоза, спрятался под пультом, своим телом прикрыв Риму. Пока что мы были живы, но как надолго — теперь зависело от Этони и его бойцов. От станкового пулемёта, стреляющего тяжёлыми и длинными иглами, рассчитанными на пробитие брони, стенки паровоза нас спасти уже не смогут.

Как назло, только я об этом подумал, нарисовался Унц.

— Пулемёт практически готов к стрельбе.

— А что произойдёт при попадании тяжёлой иглы в рабочий контур? — меня внезапно обуяло нездоровое любопытство.

— Игла пробьёт кожух и трубопровод, рабочая жидкость выйдет под давлением, горячий пар заполнит кабину и первый вагон. После этого топку придётся глушить аварийно. Если останется, кому. Губернатор, мой прогноз о реалистичности этого исхода — семьдесят три процента.

— Очень оптимистичный прогноз, — нервно хохотнул я. — Унц, я никогда не мечтал умереть в плохом настроении.

— Вы спросили о последствиях стрельбы, а не о способах улучшить вам настроение, — безжалостно возразил ординарец.

Послышался одиночный выстрел, а затем — взрыв.

— Что это было? — на всякий случай спросил я, решив, что хотя бы хочу знать, от чего именно буду сегодня умирать.

— Кейя попала в силовой блок пулемёта, — с небольшой задержкой ответил Этони. — Одного стрелка отбросило к стене, но вроде шевелится. Второго явно убило, потому что разорванные пополам лубасиры обычно резко становятся нежизнеспособны.

Я прикинул, как Тала, находясь в хвостовом вагоне, могла это сделать.

— Она вышла, да?

— Да, — тяжело припечатал Этони. — И тоже поймала иглу.

— Не дождёсь! — внезапно послышался голос Талы. — Я ещё повоюю!

— Не повоюешь, а пойдёшь вместе с новобранцами заново дисциплине учиться! — разъярённо взревел Этони. — За неподчинение приказу!

Тала тихо рассмеялась в ответ, а я решил, что, как вернёмся в лагерь, обязательно за неё заступлюсь — она ведь только что спасла не только наши жизни, но и «Паровоз». Или, по крайней мере, то, что от него осталось.

Снова застрочили очереди, и светскую беседу о приказах и их нарушениях пришлось прервать. Мы в кабине ничем не могли помочь ни Этони, ни его бойцам. Поэтому нам оставалось только ждать, надеяться на лучшее и размышлять о том, кто на нас напал.

Это действительно были не бандиты — вспомнить хотя бы, как я сам организовал нападение на лагерь Тесака и взял его легко и просто, потеряв всего лишь одного серванта. А тут отлично подготовленная засада, хорошее вооружение, взрывчатка. Да даже сама длительность боя уже говорила о том, что против нас — профи, а не дилетанты.

Оставалось только понять, кто их послал. А для этого надо было в первую очередь пережить сегодняшний день.

Действие стиму потихоньку начало ослабевать, и боль вернулась. Сначала терпимая, но с каждой секундой она нарастала. Вместе с болью пришла тошнота. Я старался держаться, как мог, но перед глазами всё плыло, и тяжело было даже просто сидеть.

Последним, что я запомнил, была белая вспышка и грохот. Затем я потерял сознание. И тут же пришёл в себя от сильного удара по кабине.

Глава 2. Выстрелы, раны и Хромой Сал

Машинист, отпустив Риму, поднялся на ноги и согнулся над приборами, проверяя показания. Рима сжалась под пультом, положив голову на колени и обхватив себя руками.

— Что это было?

Я поднялся, придерживаясь за стену кабины, бросил взгляд в окно и увидел, что сбоку от поезда в небо поднимался плотный столб чёрного дыма.

— Этони, что это было?

— Это один из не наших решил помочь подрывнику и поднести ещё взрывчатки. Кейя его порыв не оценила. Вышло громковато, но зато эффектно.

— Да уж, — понимающе вздохнул я. — А что там с подрывником? Так и сидит у нас под брюхом?

— Сидит, — флегматично подтвердил Этони. — Так что советую не тянуть и заняться им как можно быстрее. Я прослежу, чтоб их главный вам не помешал.

Нира молча переместилась к двери и встала сбоку от неё. Я, борясь со слабостью, занял место с другой стороны и вытащил «Защитник-8». Инспектор посмотрела на меня и коротко кивнула. Я взялся за ручку, молча, одними губами досчитал до трёх и резко распахнул дверь. Нира прыгнула наружу, развернулась прямо в воздухе, приземлилась на насыпь и тут же выстрелила дважды. После чего молниеносно распласталась на земле.

Рядом с инспектором ударили выстрелы.

Я снова переместился, теперь к задней двери. Открыл её и повторил манёвр Ниры. Вышло не так изящно, но вполне результативно — уже падая, я направил ствол своего револьвера в подрывника.

Примерное направление я запомнил, ещё когда он начал стрелять в Ниру. Так что теперь даже в своём паршивом состоянии мог стрелять довольно метко.

Первый выстрел ударил в нагрудную пластину подрывника, не ожидавшего атаки с двух сторон. Нападавшего развернуло, но он сумел сориентироваться и направил ИГ-пистолет на меня. Я снова выстрелил и на этот раз попал под нижний край брони. Подрывник опустил руку с ИГ-пистолетом и медленно завалился набок.

Одновременно с этим рядом со мной ударила короткая очередь, а следом послышались одиночные размеренные выстрелы Этони.

Нира по-пластунски поползла к подрывнику.

— Этот мёртв, — коротко сообщила она.

— Командира попробую взять живым, — пообещал Этони. — Сейчас удобный момент, много пыли, плохая видимость. Кейя, ты со мной. Губернатор, оставайтесь в кабине, сейчас мои бойцы её оцепят.

Стим уже почти не действовал, так что я даже не стал пытаться геройствовать. С трудом взобрался обратно в кабину и опустился на пол, опёршись спиной о стену.

Не знаю, сколько я так сидел, глядя в темноту перед глазами и слушая отдалённую стрельбу сквозь звон в ушах. Потом почувствовал укол в плечо, и зрение медленно прояснилось.

Передо мной сидела Нира с пустым инъектором в руках.

— У вас меньше десяти минут. Этони взял их главаря. Можете сами его допросить.

— Десять минут? Мне хватит, чтоб задать этому главарю пару интересных вопросов, — попытался усмехнуться я.

Но вторая порция стимулятора почему-то не принесла такой бодрости, как первая. Просто облегчила состояние, и всё.

Нира подставила руку, за которую я ухватился, чтоб подняться. Колени предательски задрожали, но я упрямо заставил себя отлепиться от стены и пойти к боковой двери в кабину. С лестницы я спустился почти бодро. Но только для того, чтоб не показать своей слабости пленному врагу.

У передней сцепки нас ждал Унц. Его левый манипулятор висел вдоль корпуса. Правым ординарец держал короткий ИГ-карабин.

— Ваше участие повышает вероятность смерти, — сообщил он.

— Ничего подобного, мне уже лучше, — запротестовал я.

— Улучшение вашего состояния не подтверждается внешними признаками.

Этони вместе с Талой и ещё двумя бойцами уже подволокли пленного к паровозу и заставили его опуститься на колени. Нира подняла планшет и включила запись.

Я подошёл ближе. Пленный поднял голову и выплюнул сквозь разбитые губы.

— Тесак всё равно тебя достанет. Тебе от него не спастись.

— Удобное прикрытие, — тихо произнесла Нира. — Известный бандит, понятный мотив, ничего сложного. Если бы не некоторые нестыковки...

Я посмотрел на пленного:

— Тесак неплохо раскошелится ради моего поезда. Военные спецы, не меньше трёх зарядов взрывчатки, станковый ИГ-пулемёт.

— Плевал он на поезд. Всё это только ради тебя, — попытался ухмыльнуться пленник, продемонстрировав свежий провал там, где полчаса назад ещё точно был зуб.

— Тогда он плохо выбрал исполнителей — я всё ещё жив, — расстроил пленника я.

— Плевать. Мы сделали всё, что требовалось. Дороги больше нет, твой первый состав никуда не доехал, и все увидели, что губернаторская защита заканчивается на границе его лагеря. Тебе перестанут доверять, и ты скоро останешься один.

Объяснение было неплохое и вроде бы вполне логичное. Но в нём чувствовалась тщательно скрытая фальшь. Особенно с учётом того, что все, чьё мнение было мне важно, знали, что рельсы пока не охраняются — нет ресурсов на это. И сознательно шли на риск.

Мне верили не за обещание защиты. Мне верили за то, что я не считал ничьи проблемы слишком мелкими для губернатора.

Нира тоже всё это поняла сразу и включилась в разговор.

— Ты слишком хорошо объясняешь политический смысл нападения для обычного бандита, — поджала губы она, делая какие-то пометки на экране планшета. — Выжившие прихвостни Тесака, которых мы захватили, знали много и были с нами предельно откровенны. Но даже самые приближённые Тесака не интересовались такими вещами — их волновали доля добычи, кого резать первым и какую общину грабить сегодня. Именно за этим они и пошли за Тесаком. А вовсе не за борьбой против губернатора. Так что, расскажешь, кто подготовил для тебя не только план засады, но и слова про губернаторскую защиту?

На лице пленника мелькнула ненависть.

— Инспектор решила поговорить вместо того, чтоб проверять? — осклабился он.

Сальным взглядом он обвёл Ниру с ног до головы, и я едва сдержался, чтобы не пристрелить его на этом же месте. Сама инспектор, однако, осталась абсолютно спокойна.

— Я вижу одинаковое снаряжение у всех вас, причём такое, что Тесаку не по карману. Кассеты, подсумки и крепления у всех унифицированы. У вас были точные сведения о дне и времени первого рейса, характеристики состава, плановая скорость. Вы нашли место, где сигнал дронов теряется — значит, знали, что дроны будут. И это при том, что даже жители губернаторского лагеря узнали об отправлении только сегодня утром. Так кто снабдил вас сведениями?

— Тесак хорошо знает Пустоши, ему никто не нужен, чтоб найти хорошее место для засады. И у него достаточно хорошего оружия.

— Даже если и так, Тесак всё равно не мог знать, отправится ли поезд сегодня или Ринт перенесёт первый рейс. Окончательное решение приняли только утром. Кто сообщил его?

Пленный промолчал, глядя на нас снизу вверх с вызовом. Я присмотрелся к нему.

Худой, лет сорока на вид. Подбородок пересекает застарелый шрам, верхний край левого уха надорван, пара зубов выбиты. Под пыльником видна серая броня без опознавательных знаков, на шее болтается сдёрнутая пылевая маска.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Хромой Сал, — сплюнул слюной пополам с кровью пленный.

— Уверен, на Тесака ты действительно работаешь. Но сейчас мне нужен твой настоящий заказчик. Говори — и останешься жить.

Молча стоявший за его спиной Этони ткнул ствол ИГ-пистолета пленному в затылок и добавил:

— И имя информатора тоже не забудь назвать.

Тот посмотрел на меня, словно оценивал.

— Вы всё равно никого не найдёте. И не победите. Вы уже трупы.

— С этим мы как-нибудь разберёмся сами, — отрезал я. — А вот ты можешь сильно улучшить свою дальнейшую судьбу.

— И что я получу, если поверю в эту брехню? — внезапно заинтересовался Сал.

— Я уже сказал — жизнь. Согласись, это гораздо лучше, чем смерть.

— Ладно... губернатор, — Сал ещё раз сплюнул, и на этот раз в плевке было заметно больше крови. Не из-за выбитого зуба она текла, не из-за зуба... — Я согласен.

Лицо Этони удивлённо вытянулось. Он поднял взгляд на меня и едва заметно покачал головой.

Я понял — лейтенант говорил «Не верь!». Я, в общем, и не собирался, но с чего-то же надо было начинать. Поэтому я коротко произнёс:

— Я слушаю.

И пошатнулся от прострелившей рану боли — действие второго стимула тоже стало заканчиваться. Времени у меня осталось мало.

— Подойди ближе, губернатор. А то, боюсь, не расслышишь.

Напряглись все. Но было поздно. Сал резко дёрнул правой рукой, словно стряхивал с неё воду, и из рукава пыльника в его ладонь выскользнул плоский ИГ-пистолет скрытого ношения. На дистанции, превышающей пять метров, эта почти игрушка была уже бесполезна. Но я стоял всего в двух.

Этони выстрелил на долю мгновения раньше. Сал, не успев даже измениться в лице, завалился вперёд, выронив своё потайное оружие, которое он так и не успел применить.

Я подошёл к телу, чувствуя, как опять начинает темнеть в глазах. Пнул его.

— Представившийся Хромым Салом мёртв, — констатировал Унц. — Физическое воздействие больше не требуется.

Я пошатнулся и не нашёл сил, чтобы хоть что-то ответить этому железному дровосеку. И тут же почувствовал, как меня подхватили под локоть.

— Сядьте, Рэн, иначе сейчас упадёте. Вас надо доставить к медикам, и чем быстрее, тем лучше.

— Обязательно доставите, — пообещал я. — Этони, что у нас с потерями?

— Погибших нет. Один боец получил иглу в живот, но броня спасла. Ещё у двоих лёгкие ранения. Кейя тоже ранена, но полностью боеспособна. Выведен из строя один из сервантов, у Унца повреждён левый манипулятор. Мой байк восстановлению не подлежит.

— А с паровозом что? И с путями?

— Все механизмы целы, — тут уже начал отчитываться Унц. — Бункер и наружные панели пробиты. Ходовая часть не повреждена. Пути уничтожены с обеих сторон от состава.

И тут меня осенило.

— Слушайте... А почему они не ударили сразу по теплообменнику? Тут бы всё взлетело на воздух вместе со слишком деятельным губернатором и его пласталью.

Этони наморщил лоб и посмотрел на тело Сала так, словно ожидал ответа от него.

— Действительно странно... Они как будто...

— Хотели убить меня и остановить состав, но сам наш «Паровоз» очень хотели сохранить.

— Похоже на то.

Этони медленно сел рядом и вытянул раненую ногу.

— Так что, Рэн? Может, пора вызвать платформу с хорошей охраной и всё-таки отвезти вас к медикам? Полежите немного под их присмотром, восстановитесь.

Я молча кивнул.

Из кабины паровоза выскочила Рима. Подбежала к нам, искоса посмотрела на труп Сала и отвернулась.

— А следующий поезд тоже будут обстреливать?

Этони ответил после короткой паузы:

— Следующий состав пойдёт после повторного ремонта и проверки пути, создания постов наблюдения вдоль рельсов и усиления охраны. Но ты не поедешь. В кабине будет только машинист. Два машиниста, чтоб смогли перехватить друг у друга управление в случае, если один из них внезапно умрёт.

— А губернатор? — уточнила Рима.

— Губернатор в следующий раз будет командовать из лагеря, — твёрдо сказал Этони.

Сначала я не обратил на фразу никакого внимания. Потом до меня дошёл её смысл, но так, отдалённо — два стимула и рана давали о себе знать всё сильнее. Но и они не остановили поднявшуюся изнутри волну гнева.

— Это с чего бы? — не понял я и исподлобья уставился на лейтенанта.

Этони выдержал мой взгляд, потом сам демонстративно посмотрел на пропитавшуюся кровью повязку у меня под ключицей, а после перевёл взгляд на Ниру, которая всё ещё поддерживала меня под локоть.

— Давайте начистоту, Рэн. В первый рейс вы отправились целым и здоровым, а закончили его на полпути с ранением, двумя дозами стимула и предложением вызвать медицинскую платформу. И это вы ещё легко отделались, потому что по сегодняшнему нападению можно точно сказать, что ваши усилия по восстановлению Пачук-9 заметили. И заметили на довольно высоком уровне. Посмотрите вокруг. Путь уничтожен с обеих сторон от состава, мы все живы только чудом. Если после того, как пути будут восстановлены, вы вознамеритесь лично участвовать и во втором рейсе, то просто дадите врагам ещё один шанс вас уничтожить. А они сделают выводы из сегодняшней неудачи, будьте уверены.

— Моё отсутствие очень обрадует того, кто за всё это заплатил, — возразил я. — Да и если они не хотят видеть нормальной железной дороги, то в следующий раз, мы пустим по маршруту бронепоезд.

Этони секунду подумал, прежде чем ответить. После ранения он говорил медленнее обычного, но привычку сначала оценивать сказанное, а потом открывать рот сохранил.

— Он это как-нибудь переживёт. А если не переживёт, то нам же лучше. Но вас, Рэн, я во второй рейс просто не пушу. Вы первый губернатор на моей памяти, который действительно занялся делом вместо того, чтоб сидеть в Гармонии и слушать продажных чинуш. И моя прямая обязанность сейчас — сохранить этого губернатора. Одной моей ошибки — сегодняшней, — вполне хватит, чтоб сделать выводы и не совершить новую. Повторно я вас в засаду не повезу.

— Это в каком смысле ты меня в засаду привёз? С чего ты взял, что это твоя ошибка? — разговор давался мне всё тяжелее, я и сам уже чувствовал, как наваливаюсь на руку Ниры всё сильнее и сильнее. Но тут уж я просто не выдержал.

— Я отвечал за охрану, — спокойно пояснил Этони. — Значит, моя.

— А я, получается, просто мимо проходил? — такая постановка вопроса окончательно выбила меня из колеи.

Нормально вообще, что Этони считает себя виноватым только потому, что не смог заранее предсказать засаду?

— Вы сидели в первой кабине первого состава на дороге. Да, моя — я не настоял на том, чтоб мои бойцы были рядом с вами в том числе. Ваша ошибка только в том, что в кабине с вами ехал ребёнок, которому вообще нечего было делать в поезде.

Рима, стоящая рядом, возмущённо воскликнула:

— Я сама поехала!

Этони тяжело посмотрел на неё.

— Значит, следующий разговор у меня будет с тобой. А ну марш обратно в кабину!

Девочка и не подумала послушаться.

— Сначала со мной закончи, — потребовал я.

— Я закончил. Следующий состав пойдёт без вас, — твёрдо повторил лейтенант, глядя мне прямо в глаза.

— Это с какого перепуга ты уже решаешь, где будет твой губернатор?

— С того, по которому меня назначили меня отвечать за вашу безопасность. В следующий раз вы будете командовать из лагеря. Даже если мне придётся для этого посадить вас в один из ваших зинданов.

— Очень смело, Этони, — чувствуя, что прямо сейчас мне выиграть в этом споре не удастся, я решил воспользоваться своим состоянием и применил тактику отступления ради перегруппировки.

И вовремя — я вдруг понял, что лицо Этони стало расплываться. Нира тоже потеряла резкость, хотя стояла почти вплотную ко мне.

— Рэн, садьте, — потребовала она.

Я попытался пойти к паровозу. Получился только первый шаг, после чего ноги отказались мне подчиняться и подкосились. Этони успел подскочить и подхватить меня с противоположной стороны от Ниры. Инспектор, недолго думая, закинула мою руку себе на плечо.

— ...медикам... платформу... быстро... — кое-как разобрал я обрывки донёсшихся до меня слов.

Последней мыслью перед тем, как я отключился, была совершенно идиотская уверенность, что перед собственными подчинёнными я сознание точно не потеряю. Воля моя крепка, как пласть...

Ну да... Конечно!

Глава 3. Дисциплина в медблоке

В сознание я приходил медленно. Намного медленнее, чем отключился.

Сначала я слышал шум вентиляции и негромкий гул работающего медицинского оборудования. Потом совсем рядом несколько раз щёлкнул фиксатор.

Я открыл глаза и некоторое время пытался понять, что это за туман вокруг, в котором виднеются странно знакомые очертания. Но вскоре зрение прояснилось, и я понял, где нахожусь.

Послеоперационный бокс занимал небольшое помещение госпитального блока. Светлые керамопластовые панели закрывали стены и пол, вдоль одной стены стояли встроенные шкафы с медикаментами, а над койкой по потолочной направляющей перемещался медицинский манипулятор. Обстановка была простой, всё необходимое для врача находилось в пределах нескольких шагов, а лишнее отсюда давно убрала Хенна Кет — главный врач губернаторского лагеря.

Я осторожно вдохнул и почувствовал тупую боль под ключицей. Всё равно попробовал пошевелиться, и вроде бы у меня даже получилось при этом не отключиться повторно.

Формы на мне уже не было, медики оставили только тонкую больничную рубашу и накрыли меня лёгким одеялом до пояса.

Возле медицинского манипулятора стояла девушка. На вид ей было около девятнадцати, но для искусственницы возраст по внешности значил немного — искусственно выращенное тело могло сохранять молодой вид десятилетиями, пока тяжёлая работа, травмы и время постепенно не начинали менять лицо и фигуру. Не говоря уже о сознании, которое может быть далеко не молодо.

Но первыми я заметил татуировки.

Они покрывали почти всю видимую кожу. Разноцветные линии пересекали лоб, скулы и подбородок, окружали тёмные глаза, уходили под волосы, спускались по шее и дальше по рукам до самых пальцев. Отдельные рисунки накладывались друг на друга, поэтому лицо приходилось рассматривать особенно внимательно.

Потом уже я обратил внимание на всё остальное.

Ростом девушка была чуть ниже среднего. Тонкая талия резко переходила в округлые бёдра, а короткая красная медицинская куртка плотно сидела на фигуре и подчёркивала высокую полную грудь. Длинные ноги оставались открытыми почти до середины бёдер, потому что куртка заканчивалась слишком высоко для испытания предела моей способности спокойно смотреть в другую сторону.

Девушка повернулась боком, и я окончательно понял, что спокойствие сегодня мне не положено.

Последние недели моей жизни состояли из пыли, шахт, бандитов, дроидов, переговоров, рельсов, оружия, отчётов Ниры и чьих-нибудь регулярных попыток вставить мне палки в колёса, а то и убить. Женщинами я за это время интересовался примерно столько же, сколько ремонтом имперских канализационных насосов — желание существовало, только времени на него не находилось.

Молодое искусственное тело относилось к этой вынужденной умеренности значительно хуже меня.

Сейчас я лежал живой после очередного покушения, боль почти не мешала, а рядом стояла очень привлекательная молодая женщина, которая находилась настолько близко, что я чувствовал запах чистой кожи, медицинского раствора и чего-то ещё, лёгкого и сладковатого.

Я ощутил сильное возбуждение и неожиданно для самого себя почти перестал думать о паровозе, губернаторских обязанностях и даже о таймере, неумолимо отсчитывавшем оставшееся мне время.

Девушка достала новый картридж с лекарством и наклонилась к нижнему гнезду медицинского манипулятора. Куртка поднялась. Под ней оказались короткие тонкие шорты. Татуировки продолжали виться по бёдрам вверх. Я несколько секунд молча смотрел на эти узоры, потом протянул руку и двумя пальцами осторожно приподнял край куртки ещё немного. Девушка замерла.

Кажется, сначала она просто почувствовала движение ткани. Несколько секунд оставалась в прежнем положении, потом медленно повернула голову и посмотрела на меня через плечо.

Возмущения в её лице я не увидел. Скорее любопытство.

— Ваше превосходительство, мне так постоять или ещё глубже наклониться, чтобы вы там всё нормально рассмотрели? — язвительно поинтересовалась она.

Я отпустил край куртки.

— Извини...

Она осталась стоять рядом.

— За что именно?

— За то, что полез без спроса.

Девушка задумалась на секунду.

— Раскаянье ваше звучит как-то не очень убедительно.

— Но после ранения и двух стимов я же могу позволить себе выбирать не самые сильные аргументы в споре? — попробовал отшутиться я.

Она внезапно улыбнулась.

— Вы забыли про лёгкую контузию. Ладно, принимается.

— Спасибо.

— Уже всё рассмотрели?

— Как раз наоборот. Стало интересно, где у тебя ещё татуировки.

— Везде.

— Совсем везде?

Она ответила с таким спокойствием, будто я спросил про количество лечебных картриджей в шкафу:

— Ну почти.

— Это очень неточный ответ для медицинского работника, — игриво пожурил её я.

— Ну, вы же хотели сами проверить, — поддержала игру девушка.

После чего снова наклонилась к манипулятору.

Даже контузия, про которую я узнал только что, не помешала мне понять намёк. Я положил ладонь ей на ягодицу поверх тонкой ткани шорт. Повёл ладонь вверх, приподнимая ткань.

Девушка снова повернула голову.

— Ну что там?

— Проверяю твоё утверждение.

— И как?

— Пока подтверждается.

— Тогда зачем остановились?

И вот тут мне уже стало как-то неловко.

— Потому что мы даже толком не знакомы, — я поспешно убрал руку. — Как-то это... непривычно. На Земле порядок действий обычно был немного другим.

— Ваша планета называется Земля? Как странно. Почему вы её так называли?

— Долгая история.

Вставив картридж в гнездо и зафиксировав его, она выпрямилась.

— А меня Сайра зовут.

— Рэн.

Сайра несколько секунд смотрела на меня, потом рассмеялась.

— Ваше превосходительство, я знаю. Тут все знают, как зовут губернатора. И даже если бы я никогда вас не видела, ошибиться было бы очень трудно — вас сюда привезли без сознания в сопровождении такого количества желающих командовать лечением, что доктор полловину даже в коридор не пустила, а вторую впоследствии тоже выгнала. Такое сопровождение тут может быть только у вас.

— Значит, зря представился? — вздохнул я.

— Зато теперь мы официально знакомы, — подмигнула Сайра. — В следующий раз можем начать заново, но уже со знакомства, раз так принято на вашей планете.

— А следующий раз будет?

— Посмотрим, как себя вести будете.

А вот это она сказала это совершенно прямо, без кокетливого прищура и без попытки сыграть опытную соблазнительницу. Похоже, Сайра просто решила, что ничего ужасного не произошло от того, что контуженный губернатор без спроса полапал её за упругую задницу.

Губернаторская нейросеть по запросу выдала мне служебную карточку Сайры.

Сайра Кун. Искусственница. Гоп на стандартном колониальном контракте. Уголовных приговоров нет. Медицинский техник, класс III. Планета приписки: Пачук-9. Место службы: губернаторский госпитальный блок.

Я закрыл справку.

— Похоже, мы с тобой в некотором смысле коллеги.

— Вы тоже медицинский техник? — подколола меня Сайра.

Я улыбнулся.

— Скорее, доктор, занимающийся лечением планетарных язв вроде распоясавшихся бандитов и уничтоженного планетарными бомбардировками производства.

Сайра ещё раз оглядела меня.

— Тогда я получше устроилась. У нас тут спокойнее.

— Даже спорить не буду. Тебя не пытаются убить ни местные бандиты, ни неизвестные недоброжелатели. А ещё тебя хотя бы не казнят за плохо поставленный укол.

— Наш доктор может, — подмигнула она, не зная ничего об условиях моего назначения сюда.

Я решил её не просвещать.

— Хороший у вас коллектив. Добрый такой, — хмыкнул я вместо этого.

И в этот момент в палату вошла Хенна Кет.

Сайра мгновенно перестала улыбаться и проверила, до конца ли закрыт картриджный отсек. При этом она предпочла не наклониться, а присесть.

Я оценил скорость превращения весёлой девушки в дисциплинированную медсестру. Хенна подошла к койке. Её короткие тёмные волосы были, как обычно, аккуратно убраны, взгляд серых глаз сразу остановился на медицинском мониторе, а уже потом на мне.

— Сознание ясное? — сухо спросила она таким тоном, что мне захотелось вытянуться по стойке «смирно»

— Достаточно ясное, доктор.

Хенна посмотрела на Сайру.

— Картридж поменяла?

— Да, доктор.

— Давление проверила?

Сайра чуть помедлила.

— Собиралась.

Хенна перевела взгляд на меня.

— Понятно.

Я решил вмешаться раньше, чем она продолжит расследование.

— Ничего, что стоило бы вашего внимания, доктор. Я чувствую себя почти превосходно.

— Прекрасно. Тогда я займусь тем, что действительно стоит заняться, — не предвещающим ничего хорошего тоном заявила она.

Хенну Кет я уже знал достаточно хорошо. Именно она осматривала детей шахтёров, запрещала нам с Этони и Нирой долгие расспросы отца Ниры и в принципе управляла всем, что касалось здоровья лагерного населения. Своих подчинённых она держала в строгости. Пациентов тоже — вплоть до того, что даже мой губернаторский мандат в медблоке действовал ровно до того момента, пока Хенна не решала, что я мешаю ей выполнять её обязанности.

Она проверила показатели на планшете, приложила к моей шее плоский датчик и несколько секунд подождала результат.

Пока Хенна работала, я сделал быстрый запрос, и губернаторская нейросеть открыла её расширенную служебную карточку.

Раньше мне хватало того, что было в краткой версии. Теперь я почему-то захотел знать больше.

Хенна Кет. Лубасири. Лицензированный врач. Специализация: педиатрия. Статус гражданских прав ограничен по приговору суда. Планета приписки: Пачук-9. Место службы: губернаторский госпитальный блок.

Я не удержался и провалился в справку личного досье.

Причина: убийство собственного супруга.

Задержал взгляд на строке. Неожиданно, если честно. Врач, как говорят на Земле, от бога, и вдруг убийца. Причём не пациента, а мужа.

Дальше шли номер дела, название одного из центральных миров Империи, ещё одно название — места, где она отбывала срок. Метка о прибытии, метка о переводе — благодаря хорошему поведению Хенна получила привилегию заменить дальнейшее отбывание наказания службой в колониях.

Так она и оказалась на Пачук-9, а я получил главного врача.

Подробности дела можно было открыть отдельно. Я немного колебался, но в итоге закрыл карточку.

Почему Хенна убила мужа, меня совершенно не интересовало. Возможно, когда-нибудь эта история и станет важной, но прямо сейчас передо мной стоял талантливый и ответственный врач, который лечил моих бойцов, моих шахтёров, население моего лагеря и даже лично меня. Мне этого было достаточно, чтоб уважать Хенну и не задаваться лишними и, возможно, совсем не полезными вопросами.

— Что вы со мной сделали? — спросил я.

Хенна отложила датчик.

— Коротко — спасли вам жизнь, хотя вы и приложили заметные усилия, чтобы усложнить нам работу. Подробнее — мы извлекли несколько фрагментов иглы, один из которых повредил крупный сосуд, из-за чего к моменту доставки вы успели потерять очень много крови. Сосуд ушили, фрагменты удалили, раневой канал обработали. Лёгкое и остальные внутренние органы серьёзно не пострадали.

— Значит, мне повезло.

— Вам повезло, что инспектор передумала оставаться в лагере и вовремя оказалась рядом, — отрезала Хенна. — Что она быстро остановила кровотечение, вызвала вездеход, и тот доставил вас сюда вовремя. Но вторая доза стима была однозначно лишней. Они разрешены официально, но у искусственников почти сразу вызывают привыкание. Поэтому, повторное применение без медицинской необходимости в ближайший год, я вам запрещаю.

Я попытался оправдаться.

— Мне было необходимо, чтоб я смог допросить единственного пленного...

Хенна выдержала паузу.

— И как, много он вам рассказал полезного?

— Почти ничего. Он погиб, — вынужден был признаться я.

— Тогда объясните мне, губернатор, в чём заключался медицинский смысл второй дозы?
— уточнила Хенна.

Я посмотрел на Сайру. Она очень старательно занималась монитором и явно слушала каждое слово.

— С медицинской точки зрения смысла не было.

— Наконец-то разумный ответ.

— Зато мы подтвердили подозрение о том, что нападавшие, кроме их так называемого командира, не были связаны с Тесаком. Это были профи, которых послал кто-то уровнем сильно выше, чем местный бандит. Тесаку такие бойцы не по карману.

— Это всё прекрасно, — голос Хенны стал подобен льду. — Но тогда в следующий раз сделайте так, чтоб к моменту полевого допроса пленного, да и после него вы были бы не просто живы, но ещё и полностью здоровы.

— Постараюсь включить ваши рекомендации в план, — не удержался я.

Хенна посмотрела мне прямо в глаза.

— А теперь о плане. Сегодня вы остаётесь в госпитальном блоке.

Где-то в глубине я знал, что она это скажет. И знал, что это необходимо. Но...

— Хенна, я не могу тут разлёживаться. У меня взорвали железную дорогу...

— Мне это известно, ваше превосходительство.

— ...паровоз стоит между двумя разрушенными участками пути, нападение подготовили заранее, а заказчик пока неизвестен. Мне надо вернуться в штаб.

Хенна спокойно положила планшет на край моей койки.

— Штаб умеет работать и без вас, представляете? И он работает прямо сейчас. Лейтенант Бакто, инспектор Вейл, да даже Ринт и большинство тех, кого вы поназначали на разные важные должности, уже продемонстрировали, что справляются со своими обязанностями и без вашего присмотра, ваше превосходительство.. А если вы считаете, что нет, то, значит, вы плохо построили управление лагерем и вверенным личным составом.

Я нахмурился. Хенна знала, как побольнее ударить по самолюбию и заставить выполнять её распоряжения.

— Ладно, док, — нехотя согласился я. — Уговорили. Но только до завтра.

— Я ещё не закончила, — припечатала врач. — После операции существует риск повторного кровотечения. Поэтому никаких «до завтра». Вы вернётесь к своим обязанностям, когда я решу, что для вас это будет безопасно.

— А если я всё-таки встану?

Хенна посмотрела на Сайру.

— Сестра, что мы делаем с пациентом, который после операции пытается самовольно уйти?

Сайра ответила после короткого размышления:

— Сначала объясняем, почему так делать не нужно.

— Уже объяснили.

— Тогда вводим седативный препарат.

— Молодец. Всё правильно.

Я посмотрел на Сайру с укором.

— Быстро ты выбрала сторону.

— Я работаю здесь, — потупила взор она.

— Пять минут назад наши отношения развивались значительно приятнее.

Не помогло. Сайра пожала плечами.

— Отношения отдельно, работа отдельно.

Хенна кивнула.

— Умная девочка. Далеко пойдёт. Присмотритесь к ней, ваше превосходительство.

— Две против одного, значит, — наигранно горько вздохнул я.

— Три, — поправила Хенна. — Ваш организм тоже на моей стороне. Именно поэтому вы и приехали сюда без сознания.

Пришлось признать поражение.

— Хорошо, док. Я буду здесь, сколько потребуется. Но мне нужен доступ к служебному каналу, отчёты Этони и Ниры и возможность принимать посетителей.

— После перевода в общую палату всё получите. Посетителей буду допускать я. Как только давление начнёт падать или вы снова решите изображать бессмертного губернатора, отлитого из цельного куска пластали, разговоры закончатся.

— Договорились, — я решил дальше не искушать судьбу в лице строгого врача и удовлетворился тем, чего смог добиться.

Хенна убрала планшет и направилась к выходу, когда я окликнул её:

— Доктор.

Она обернулась.

— Спасибо вам. Вы жизнь мне спасли.

Несколько секунд она смотрела на меня, потом только кивнула.

— В следующий раз постарайтесь приехать невредимым. Мало того, что теперь вам придётся некоторое время управлять планетой лёжа, так ещё и оперировать губернатора жутко неудобно — слишком многие считают своим долгом стоять под дверью и мешать дурацкими советами и вопросами.

После её ухода Сайра проверила давление.

Я попробовал приподняться на локтях, но она сразу упёрлась ладонью мне в грудь, удерживая в лежачем положении.

— Куда?

— Хенна же сказала, что меня можно перевести в общую палату.

— На койке же! — воскликнула Сайра, не убирая ладонь.

— Так там метров десять, — возмутился я. — Не больше!

— Доктор приказала — на койке. Значит — на койке.

— Доктор же вышла и ничего не заметит.

Сайра посмотрела на меня совершенно серьёзно.

— Хотите, я могу позвать обратно?

Тут я окончательно понял, что в медблоке никакой я не губернатор и могу смело подте-
реться своим мандатом и всеми данными им полномочиями — тут всем на них плевать.

— У вас здесь все такие? — язвительно поинтересовался я.

— Это какие такие?

— Сначала улыбаются, потом угрожают лекарствами.

Сайра подумала.

— Доктор обычно начинает сразу с угроз.

— Хочешь сказать, ты добрее?

— Конечно, ваше превосходительство, — она сняла койку с фиксаторов. — Я же сначала улыбаюсь.

Глава 4. О полезных подчинённых и крысах

Общая палата находилась через короткий коридор. В одном помещении стояло восемь коек, половина из которых была свободна. Между койками были широкие проходы для каталок, возле дальней стены палаты разместили медицинские шкафы и переносной диагностический аппарат.

Сайра подвезла меня к дальнему свободному месту.

— Приехали, ваше превосходительство. Постарайтесь хотя бы до вечера никого не хватать за задницу и ничего не штурмовать, — попросила она.

— Именно в таком порядке? — я был бы не я, если бы не спросил.

— На ваше усмотрение — солнечно улыбнулась медтехник. — Но я советую вам начать с выздоровления. Мне очень интересно, насколько далеко губернатор готов зайти ради науки.

Красная куртка при её уходе совершенно явно поднялась чуть выше обычного.

Я проводил Сайру взглядом. А как только дверь за ней закрылась, с соседней койки раздался хриплый голос:

— Рима жива?

Я повернул голову и сразу узнал Коррена — отца Римы.

Последний раз мы виделись, когда медики привезли его ко мне в кресле и разрешили задержать всего на несколько минут. Тогда бывший старший проходчик восстановил по памяти часть дороги, указал узловые места и помог разобраться, где искать старую электростанцию.

Сейчас он выглядел заметно лучше.

После плена Коррен всё ещё оставался худым, но кровоподтёки зажили, а кожа снова приобрела обычный для всех лубасири здоровый синий оттенок. Почему-то только сейчас я обратил внимание на тонкие черты его лица, прямой нос, светло-серые глаза и заострённые, но не слишком удлинённые уши. Коррен был аристократом, а не сервом, и, хотя его семья уже несколько поколений жила среди шахтёров Южного Отвала, внешность выдавала его с головой.

Даже интересно, почему раньше эти особенности прошли мимо моего внимания? Наверное, мне просто было не до разглядывания каждого вставшего под мою руку шахтёра.

— Жива, — ответил я. — И здорова. Вроде бы даже без синяков и порезов обошлось.

Коррен медленно выдохнул и опустил голову глубже на подушку.

— Где она сейчас?

— Не знаю. Была возле состава, когда я отключился. Думаю, скоро появится здесь.

Он впервые улыбнулся.

— Это хорошо.

Коррен на несколько секунд замолчал. А потом я заметил в его глазах знакомый интерес. Такой же взгляд у него был, когда мы разбирали старую карту железной дороги.

— Теперь рассказывайте.

— О чём?

— О нападении.

Мне не особо хотелось болтать о том, что произошло. Меня изнутри жгли досада и злость. Нападение испортило мне первый же рейс. Теперь мало того, что мне предстояло потратить время и ресурсы на ещё один ремонт путей, так надо было ещё придумать, как в будущем избежать подобных ситуаций. В ближайшем будущем, а не когда-нибудь — «Паровоз» должен возить грузы постоянно, чтоб от него был толк.

— Хенна приказала мне отдыхать, — попробовал выкрутиться я.

— Но разговаривать вы же способны? Иначе вас вряд ли бы заинтересовало исследование татуировок медсестры...

Намёк был толще некуда. Я вздохнул и набрал в лёгкие побольше воздуха, немного даже жалея, что попавшая в меня игла их не задела.

— Всё было штатно, пока мы не добрались до места с развалинами старых складов. Там металл в земле мешает нормальной работе дронов.

— То есть, про помехи в этом месте вы знали заранее?

Ну кто бы сомневался, что обойдётся без неудобных вопросов.

— Знали. Этони на AZ-7 шёл впереди, но ничего подозрительного не увидел.

Коррен чуть нахмурился.

— Он останавливался?

— Нет, — удивился я. — Зачем?

— Дальше рассказывайте.

Я описал первый взрыв впереди состава, второй позади, огонь с нескольких сторон и подготовленные позиции нападающих.

Коррен слушал молча.

Когда я дошёл до станкового ИГ-пулемёта, он поднял руку, прерывая меня.

— Пешая разведка перед рейсом проходила?

— У нас впереди шёл дрон и гравибайк...

— Про них я уже понял, — нетерпеливо отмахнулся Коррен. — Пешая разведка проводилась?

— Нет, — признал я.

Он медленно кивнул, и мне этот кивок сразу не понравился.

— Что такое, Коррен? Говори уже.

— Вы не проверили землю. Не посмотрели, что происходило на ней до вашего приезда.

— И что бы ты на ней увидел? — не понял я.

Коррен сразу отвечать не стал. Сначала подумал, будто собирался объяснять молодому проходчику ошибку, которая в шахте могла закончиться обвалом. Потом всё-таки заговорил:

— Группа вооружённых лубасири пришла туда заранее. Они много ходили, выбирая подходящие места для того, чтоб спрятаться. Они как-то доставили туда станковый ИГ-пулемёт вместе с силовым блоком и кассетами, заранее установили заряды. Они наследили. И эти следы можно увидеть только с земли.

— Если они их не скрыли, — возразил я.

— Тогда опытному лубасири были бы видны следы уборки.

Я задумался. А Коррен продолжил:

— Я сорок лет работал в выработках и ходил по Пустошам. В старых складах пыль может лежать месяцами. Если тяжёлый ящик протащили по полу, как ни скрывай это, но я замечу, что пыль лежит уже не так. Если возле насыпи копали, я увижу и это.

— А если они такие же опытные, как ты?

— Всё равно замечу.

Коррен немного приподнялся и подался ко мне.

— Достаточно одного заметённого отпечатка ботинка. Одной дорожки от тяжёлого груза. Пыль, которую никто не трогал, лежит ровно. Пыль, в которой пытались скрыть следы, всё равно отличается. Вам надо было остановить поезд перед участком помех и отправить кого-нибудь опытного посмотреть на эти следы. На землю.

Я посмотрел на него внимательнее.

— Думаешь, дроны неэффективны, и их надо заменить на разведчиков?

Коррен даже удивился.

— С чего бы? Дроны хорошая техника. Просто вы почему-то решили, что она умеет всё.

Я немного подумал, восстанавливая в памяти тот момент, когда в изображении появились помехи, а потом раздался первый взрыв.

— Ладно. Допустим, первым идёшь ты, — я начал рассуждать вслух. — И видишь следы. Что дальше?

— Я передаю лейтенанту Бакто, что участок требует дополнительной проверки и особой осторожности. Состав останавливается, бойцы выдвигаются вперёд и прочёсывают каждый метр.

Коррен снова лёг удобнее.

— Если бы я первым прошёл этот участок, нападения на поезд в таком виде не случилось бы. Им бы пришлось действовать не по плану.

Я подождал, пока он снова устроится нормально.

— Тогда уговорил, в следующий раз попробуем твой метод. Когда Хенна разрешит тебе выходить из лагеря, покажешь Этони, как обнаружить эти следы.

Коррен сразу стал серьёзным.

— Покажу. Но лучше я сам буду их искать.

— Одного я тебя на опасный участок не отпущу, — сразу предупредил я.

— Серванты или бойцы могут затоптать следы. Тогда всё будет зря.

— Приставлю двух бойцов — научишь их не мешаться. И сверху пусть за всем следит ещё и дрон.

Коррен поморщился, но всё-таки кивнул.

— Как прикажете, губернатор.

Я хмыкнул.

— Как прикажете. Коррен, а ты ушлый. Я впервые вижу, как лубасири устроился на новую работу, ещё даже не покинув госпиталь.

— Я хочу, чтобы у вас всё получилось, с серьёзным видом произнёс Коррен. — Поэтому и предложил свои умения сразу, как появилась возможность.

За дверью послышались шаги, и в следующую секунду в палату вошла Рима. Прошла к нашим койкам — её хромота уже почти исчезла, — поочерёдно посмотрела на меня и отца и нахмурилась.

— Вы что делали?

Коррен спокойно откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Отдыхали, — спокойно ответил Коррен.

Рима посмотрела на меня.

— Я слышала, как вы разговариваете.

— Да нет, мы отдыхали, — поддержал я Коррена.

— Вы оба врётё.

Коррен приоткрыл один глаз.

— Рима, губернатору после операции нужен покой. Он пока вообще не может долго говорить.

Девочка мотнула головой

— Что вы задумали?

Я немного оторопел.

— Почему сразу что-то задумали? С чего ты взяла.

— Потому что отец слишком довольный, — спокойно пояснила Рима. — Он всегда так выглядит, когда думает, что сделал что-то очень удачное.

Я посмотрел на Коррена. Тот едва заметно пожал плечами.

— Ну... Мы обсуждали следующий рейс.

— И?

— В местах, где дроны могут сбиться, перед поездом теперь сначала пойдёт наземная разведка.

Рима сразу поняла.

— Отец?

— Когда врач разрешит, — сразу же пообещал Коррен.

Я рассмеялся и сразу скривился от боли под ключицей.

Рима ткнула в меня пальцем.

— А вот нечего было думать о делах так рано. Лежите и ничего больше не придумывайте, пока не выздоровеете.

— Хорошо, Рима, — я решил сделать вид, что я покладистый, иначе девочка стала бы читать мне ещё нотации. И повернулся к Коррену:

— После выписки поговорим ещё раз.

— О дороге? — уточнил он.

— Не только.

— Отец! Губернатор! — возмущённо воскликнула Рима.

Коррен внимательно посмотрел на меня, но больше ничего пока спрашивать не стал.

До казни осталось: 19 месяцев.

Хенна Кет разрешила провести совещание в общей палате после десяти минут ожесточённого спора и напоминания о том, что я всё-таки губернатор. Но разрешила исключительно на своих, довольно жёстких условиях.

Ко времени начала Коррена и остальных пациентов увели на плановые и внеплановые процедуры. Возле моей койки на всякий случай поставили передвижную перегородку, отделившую меня от остальной палаты на случай, если кто случайно войдёт. Хенна проверила повязку на ране, заставила меня лечь удобнее и только после этого разрешила Сайре впустить Этони, Ниру и Унца.

— Сразу договоримся, — сказала она. — Вы лежите. Сохраняете спокойствие любой ценой. Вставать или хотя бы садиться даже не пытаетесь. Если пульс или давление заметно изменятся, совещание закончится независимо от того, успели вы спасти нашу планету или только начали.

— Доктор, я всего лишь выслушаю три доклада, — пообещал я, стараясь выглядеть максимально честным.

— Вчера вы тоже хотели всего лишь допросить бандита, — жёстко напомнила она.

— Вчера во мне были фрагменты иглы и разорванный сосуд, — возразил я.

— И всё это исправила я, — ещё жёстче произнесла Хенна. — Не нарывайтесь на осложнения. Иначе мне придётся продлить ваше лечение.

— Звучит так, будто вы специально ищете причины не выпускать меня из госпиталя.

Хенна несколько секунд смотрела мне в глаза. Потом тяжело вздохнула.

— Рэн, мне даже искать не приходится.

Возле медицинского монитора Сайра опустила голову, но я заметил, что она улыбается.

Сегодня красная медицинская куртка была застёгнута почти до горла. Но после вчерашнего смотреть на Сайру спокойно у меня всё равно не получалось. И она, похоже, прекрасно это понимала. Медсестра подошла к койке, поправила подушку у меня под головой, потом провела ладонью по краю больничной рубахи возле плеча, словно проверяя, не задевает ли ткань повязку.

Проверка заняла подозрительно много времени.

— Удобно? — спросила она с хитрым прищуром.

— Теперь да, — довольно подтвердил я.

— Хорошо.

Убирать руку сразу Сайра не стала. Ладонь скользнула по моему плечу к груди, горячая сквозь тонкую ткань рубахи. Ненавязчивый, но очень многообещающий жест.

Хенна посмотрела на медсестру, и та сразу отступила к монитору, сделав вид, что ничего не происходит, и она просто выполняла свои прямые обязанности. Хенна ничего ей не сказала, но вздохнула так, что всё стало понятно. Повернулась ко мне:

— У вас будет двадцать минут. Потом совещание закончится.

— Почему двадцать? — возмутился я.

— Потому что пятнадцать вы будете работать, а ещё пять убеждать меня, что вам надо продолжить.

Я открыл рот, чтоб поспорить, но Хенна уже отвернулась. Она разговор закончила, и её в принципе не волновало ничто из того, что я мог бы ей сказать в опровержение её слов.

Через несколько минут вошли Этони, Нира и Унц.

Лейтенант тут же придвинул единственный на всю палату стул к моей койке и сел на него. Нира, как она всегда делала, осталась стоять чуть в стороне с планшетом в руках. Унц остановился возле перегородки.

Сайра устроилась возле монитора с самым невинным видом. Нира скользнула по ней задумчивым взглядом, затем посмотрела на меня. Судя по её лицу, инспектор всё поняла. Поджала губы, но вслух ничего не сказала.

Чёрт, ну вот как они это делают? Как???

— Ну что? — сразу перешёл к делу я, держа в голове слова Хенны про пятнадцать минут.
— Выяснили, откуда ноги растут?

Этони ответил не сразу.

— Пока нет. Но я уверен, что вчера против нас работали не подручные Тесака. Союзники, да. Но не подручные. Сал там присутствовал только для того, чтобы в случае неудачи увести нас на ложный след. Его просто подставили.

Этони открыл на планшете схему места нападения и повернул экран ко мне.

— Действовали нападающие профессионально, и это никак нельзя списать на случайность, старые навыки и прочее. В Пустошах нет лубасири с такими навыками, все, кто ими обладает, давно уже в Гармонии или во флоте. Последовательность действий была рассчитана очень тщательно. Два взрыва, причём с таким интервалом, чтоб «Паровоз» остался цел. Затем попытка достать вас из кабины — но тут им помешала инспектор Вейл, которая в последний момент решила поехать с нами. Затем, когда они поняли, что в кабине не только машинист и раненый губернатор, они приняли решение пожертвовать «Паровозом» — ваша смерть для них была в приоритете, что бы там не трепал Сал. Пулемёт должен был удерживать охрану в вагоне, чтоб мы не смогли своевременно прийти вам на помощь. Меня тоже вывели из боя одним из первых. Попытались вывести — и это, в общем, была их единственная ошибка. То есть мы отбились благодаря одной ошибке и одной непредсказуемой случайности.

— Неисповедимы пути женской логики, — с важным видом пробормотал я.

Нира заметно напряглась и одарила меня таким взглядом, что я почти уже приготовился уговаривать Хенну держать меня в этой палате как можно дольше.

— Продолжай.

— На этом всё. Ещё одним подтверждением верности выводов служит тот факт, что подрывники вступили в бой только после того, как всё пошло не по плану.

Этони положил планшет экраном вниз.

Да, все мы подозревали одно и то же — работали профи. Этони просто облёк все наши размышления в слова. Задачей «максимум» для нападавших было убить меня и забрать «Паровоз» — поэтому они и стреляли по кабине, а не по двигателю, хотя станковый ИГ-пулемёт мог его уничтожить. Когда не удалось, перешли к плану «минимум» — убить меня любой ценой. Не вышло и это — и в дело вступил Хромой Сал, которому не хватило мозгов понять, что его просто отправили на смерть, перед которой он должен был сказать нужные слова и сделать

ещё одну попытку убить меня. То есть, те, кто устроили засаду, знали ещё и то, что я захочу с Салом поговорить лично.

Кажется, в моём лагере завелась жирная и очень хитрая крыса.

Я заскрежетал зубами. Подозрений у меня не было, так что я даже не знал, как вообще эту крысу искать. Но дело явно приняло очень серьёзный оборот. Пока я строил печь, организовывал шахтёров, вывозил склад Тесака и договаривался с воротилой местного «бизнеса», за мной всего лишь наблюдали. То ли не считали серьёзной угрозой существующему порядку вещей, то ли просто смотрели, получится у меня или нет. Но после того, как у меня появился самый настоящий паровоз, способный полностью изменить логику Пустошей, те, кто хотел, чтобы всё оставалось по-старому, напряглись.

Я был уверен — все ниточки потянутся в Гармонию. Слишком долго Пачук-9 оставался мусорной планетой с богатыми недрами, полностью находящейся под властью чиновников, думающих только о своей наживе. Договорённости с бандитами, с дельцами вроде Лискера. Контрабанда, торговля рудой мимо официальных каналов. Может, даже и чёрный рынок донорских органов — кто знает, Тесак ел захваченных шахтёров целиком или сначала продавал самые ценные части их тел?

Да много чего ещё могло оказаться на планете, слишком далеко расположенной от центра Империи и из-за этого практически лишённой контроля. И вытащить её из её бедственного положения мог только тот, кто не только понял, где находится настоящий корень бед, но и имеет достаточный стимул его выкорчевать.

Этим я и отличался от всех моих предшественников. Я сразу не верил, что смогу что-то изменить, находясь в окружении чиновников Гармонии и следуя их правилам. Не верил, что Империя сжалится надо мной, если я не справлюсь — если уж полноправных высокопоставленных граждан она спокойно казнила за неудачу, то мне, искусственнику и гопу, рассчитывать было не на что.

Так что мой выбор был прост. Я или смогу, или сдохну. Либо через девятнадцать месяцев, либо раньше.

Но сдаваться, не попытавшись, я не собирался.

Так что пора было крепко задуматься о мышеловках.